

Н.Б. ПОКРОВСКИЙ

ИСПОВЕДЬ ХУЛИГАНА

Как формировать позитивные модели поведения?

В Год культуры у меня родилось желание написать о том, что мне лично довелось узнать в начале своей жизни о ее недостатке. Сразу должен заметить, что рос я в благополучной семье. Мои родители – интеллигентные люди, инженеры-строители. Они нежно любили друг друга, и я не помню ни одного спора между ними или повышенного голоса. В доме была большая библиотека, и отец мне больше всего запомнился склоненным над книгой. Родители внимательно занимались воспитанием детей – меня и моей старшей сестры.

С сестрой все получалось хорошо, а со мной, поздним ребенком, не очень. Затащить меня в театр или в какой-нибудь кружок было почти невозможно. За школьные годы сестра прочитала уйму книг, а я всего две – «Чингисхан» и «Повесть о Ходже Насреддине».

Меня быстро затянула жизнь «двора» и его вольные порядки.

Родительские собрания в школе для моих родителей были мучой.

Мое пребывание в школе представляло собой непрерывную цепь непослушания и дурацких выходок. Вот пример одной из них. В фойе первого этажа идет в пальто наш учитель по гражданской обороне и держит в руках шляпу. А я демонстративно опускаю в его шляпу монету достоинством в 5 копеек. Зачем? За что? Просто так.

Но ничего «просто так» не бывает. В действительности было состояние внутреннего протеста против всего, что исходило от «взрослых». Протест этот был нелепым, абсолютно дурацким. Это был опьяняющий протест.

«Взрослые» представляли нормы некоего порядка жизни, некоего ее смысла (культуры), которые мне были совершенно непонятны, а поэтому и чужды. Все чуждое часто вызывает

враждебность и агрессию. А эти чувства – плохое приобретение для жизни, особенно в самом ее начале. Они закрывают душу для добра, красоты и мира. Зато открывают ее всему, что им противоположно. Тогда со временем в душе воцаряется одиночество и зло. Неприятие всего здорового становится органичным.

Так, по порядкам «двора» у меня в кармане постоянно был нож, пока один рецидивист не дал совета: «Не носи ножа. В драке ты надеешься на него больше, чем на кулаки. А тебе и их достаточно. А с ножом ты обязательно сядешь в тюрьму». Столь ценных советов для жизни я получал немного.

Следы того периода жизни до сих пор я ношу на себе – перебитая переносица, шрам от глубокого пореза мышц на правом предплечье, следы от металлического прута в области мечевидного отростка грудной клетки в трех сантиметрах от мягких тканей живота. Попади этот прут туда и, возможно, этих строк не было бы. Однако я остался живым и здоровым, и к тому же – на свободе.

Распоряжался я этой свободой понятным образом. Например, в 8-9 классе грабили с друзьями хозяйственный сарай в дачном поселке. Делали это «как полагается» в масках и перчатках. А всю «добычу» зарыли в лесу метрах в ста от сарая. Грабеж ради грабежа!

Сегодня нейронауки четко объясняют это биохимическим составом нейронов головного мозга. Есть такая «биохимия», которая делает обязательным для человека совершение грабежа. А есть и такая, которая влечет к убийству.

Возникает подобная «отрицательная биохимия» в процессе длительного состояния, когда конструктивные модели поведения не получают развития. В противоположных случаях формируется «позитивная биохимия».

Причем для «позитивной биохимии» гораздо больше оснований в природе человека. На это четко указывает нейроэстетика. Из нее следует, что если врожденные потребности в эстетическом развитии не получают адекватного ответа, то в сознании быстро и беспорядочно растет де-струкция.

Именно это со мной и происходило.

Дважды меня исключали из школы, а именно в 7-ом и 11-ом (выпускном) классе.

Последний случай был не совсем обычным. Фактор «против всех», о котором я сказал раньше, привел меня, наконец, к диссидентским кругам и идеям. Одной из идей было создание независимого журнала с помощью «заграницы». Эта идея завершилась сначала встречей с военным атташе США в его квартире на Одесской улице в Москве, а затем и исключением из школы «за деятельность, наносящую ущерб государству».

После поступления в Ленинградский горный институт свою попытку с журналом я повторил, собрав уже новый кружок людей. В Василеостровском Райкоме КПСС мы даже успели обсудить этот вопрос.

Но вот на третьем курсе института появился «Сопромат» (сопротивление материалов). Эту дисциплину многие страшно не любят и боятся. Говорят: «Сдал Сопромат, можешь жениться» (кстати, так со мной и произошло).

Меня же Сопромат изумил стройной красотой своего математического аппарата. Потом появилась Термодинамика, которая покорила меня мощью своих формул, которые управляют природой. Во мне все как будто перевернулось. Моя женитьба поставила точку на всей прежней жизни.

С новым чувством жизни я изучал разные науки. После института я поступил в Аспирантуру никель-кобальтовой подотрасли и с упоением занялся изучением состояния крупных агрегатов для уменьшения их аварий.

В это же время ко мне вернулся из далекого детства интерес к изобразительному искусству. К работе над диссертацией прибавилось изучение академического рисунка в Институте им. И.Е. Репина и живописи на Отделении станковой живописи ЗНУИ им. Н.К. Крупской.

В это время я сделал для себя интересное наблюдение. После занятий искусством я легко находил разнообразные решения для моих научных целей. Зато после научных занятий я стоял с кистями перед натюрмортом совершенно беспо-

мощным, и требовалось время, чтобы перестроиться.

Тогда я это принял как факт, а спустя много лет вместе с коллегами открыл его природу.

Все мои научные задачи были успешно решены благодаря новому аналитическому методу, к которому меня привел главный метод искусства «от общего к частному» в отличие от метода науки «от частного к общему».

Сегодня этот метод называется Метаструктурным анализом, и за 20 лет он дал поразительные результаты, среди которых есть и беспрецедентные случаи в науке и практике.

Моя диссертация имела 9 пунктов научной новизны, 5 Авторских Свидетельств на изобретение и Акт о внедрении результатов работы на крупнейшем комбинате страны. Мои натюрморты этому немало послужили.

В 1989 г. я расстался с узкими для меня рамками госучреждения (не первый подобный выбор в отношении «рамок») и перешел в свободную среду малого бизнеса. Удалось успешно сочетать выпуск художественной продукции с собственными исследованиями. Деньги от искусства и широкие знакомства в научном сообществе позволили получить уникальные результаты. Среди них есть и такие, которые вывели отечественную науку на передовые позиции в мире.

Здесь я хочу сказать только о Теории отстранения, которая объясняет важные причины деструктивных мотивов поведения. Это те самые мотивы, которые опустошили мои детские годы и привели ко многим потерям после. По заключению Государственного Экспертного Совета, эта Теория «дала новое раскрытие проблемы».

В числе этих раскрытий – исключительное значение изобразительного искусства, которое совершенно особым образом моделирует деятельность сознания на основе образного мышления. Назову главные из них.

Из всех искусств именно это наиболее эффективно способствует эстетическому развитию ребенка. Развитое эстетическое чувство надежно оберегает от дисгармонии всех форм жизни. Выбор же гармоничных решений идет наиболее коротким путем и служит наибольшему успеху.

Образное мышление приводит в действие механизмы ассоциативных связей, и продуктивность интеллекта тогда резко возрастает. Вот и объяснение моим наблюдениям при занятиях наукой и искусством.

Образное мышление также стимулирует экс-

травертные свойства сознания, которые служат органичным связям со всем окружающим миром. Продуктивные модели существования этого мира легко усваиваются и служат успеху человека. Чувству гармонии в этом случае принадлежит важнейшая роль. Эта ситуация хорошо объясняет, почему иногда самые обычные люди достигают в обществе поразительного прогресса.

Вместе с тем, в отсутствии таких эффектов интровертные свойства сознания получают аномальное развитие. Именно интровертность сознания несет главную ответственность за наркотики, суицид, просто патологическое чувство одиночества, отчуждение, агрессию или апатию.

Теперь мне многое понятно из эксцессов своего детства.

После моего выступления на эту тему на радиостанции «Славия» в В. Новгороде, в редакции долго не смолкал телефон. Родители, бабушки и дедушки детей, попавших в сложные ситуации, благодарили, приводили примеры того, насколько верны мои сообщения.

Чтобы реализовать наши открытия мы с коллегами создали в 2006 г. Народный художественный университет. По совету референта Л.А. Путиной Наталии Токаревой Университет стал не профессиональным, а социально-культурным учреждением. «У нас вузов уже достаточно, а вот народу остро требуется доступное знакомство с искусством», – сказала Н.Токарева.

В этом Университете я веду занятия рисунком и живописью. С каждым учеником перед моими глазами разворачиваются огромные области мысли и духа, которые требуют структурирования средствами образного мышления. Многие люди просто не видят того мира, в котором живут. И позитивные возможности этого мира могут обернуться опасностями.

Как я уже сказал, мой брак на третьем курсе ЛГИ поставил точку на прежней жизни, но он не поставил точку на мне. Дважды я неудачно пытался создать семью. Сегодня я хорошо вижу, как мои ассоциальность, индивидуализм и привычка к дисгармонии, взрощенные в детстве, мешали этому.

Изобразительное искусство открыло мне новый мир культуры, несущей согласие с реальностью без потерь своей индивидуальности. И этот мир я стремился донести до своих детей. Кроме редких посещений музеев, я действовал проверенными методами «капанья на мозги».

Возможно, это помогло тому, что сегодня моя дочь – доктор наук, профессор, а сын – уважаемый школьный учитель, пишет кандидатскую диссертацию.

В 2010 г. по рекомендации Экспертного Управления Президента РФ для модернизации экономической и культурных сфер общества мы с коллегами создали Национальный Гуманитарный Университет России, в составе которого есть Кафедра методик преподавания изобразительного искусства.

Хорошо помня себя в детстве, я делаю, что могу для того, чтобы добрыми наставниками детей были не рецидивисты, а учителя рисования.

В 2013 г. я занимался с небольшой группой «проблемных» детей 11-12 лет. В каждом из них я хорошо видел себя. Их растерянность перед лицом действительности они компенсировали агрессией. Свои проблемы они загоняли в свою «интровертность», где эти проблемы бродили в желе из фантастических продуктов жуткого леса, растущего в их беспокойных снах.

Только когда они лепили из пластилина или рисовали, выяснялось, например, как нежно они относятся к матери, как ждут понимания, как стремятся быть полезными другим, как ждут от жизни позитивного знания и проч. и проч.

Ни завучу, ни многим учителям и школьным психологам этого не увидеть. Они общаются словами, которыми легко обмануть и обмануться. В изобразительном искусстве говорят руки, которыми движет сердце. И здесь ничего не скрыть. Французский художник Вламинк именно поэтому не ходил на свои выставки, где он на своих картинах был «раздет».

«Одеть», облечь душу ребенка в светлые одежды красоты и ее производных – согласия и мира – лучше всего может изобразительное искусство. Обучение ему должно начинаться с детского сада. А еще лучше с дородового периода – с обучения матери. Так считает, например, и Президент СПб ГУ Вербицкая.

В свои 66 лет я хорошо вижу ту дистанцию, которая отделила реалии моего беспорядочного и во многом порочного детства от тех необозримых возможностей для интересной и благополучной жизни, которые дает человеку изобразительное искусство. И весь остаток своей жизни я хочу посвятить тому, чтобы привести детей в мир этих возможностей.